

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XVII

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 3



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

Б. П. Полевой

ПЕТР ПЕРВЫЙ, НИКОЛАЙ ВИТСЕН И ПРОБЛЕМА «СОШЛАСЯ ЛИ АМЕРИКА С АЗИЕЙ»

Общеизвестно, что вопрос «сошлася ли Америка с Азией» длительное время интересовал Петра I. Ради решения этой проблемы Петр I в 1719 г. направил на Камчатку и Курильские острова экспедицию И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лукина, положившую начало инструментальной геодезической съемке русского Тихоокеанского побережья. С целью достижения берегов Америки со стороны Дальнего Востока были организованы и исторические экспедиции Витуса Беринга: Первая Камчатская (1725—1729), с деятельностью которой связано появление серьезно уточненной карты русского Тихоокеанского побережья от Камчатки до Берингова пролива; Вторая Камчатская (1732—1743) — самая ранняя комплексная научная экспедиция, во время которой русские мореходы открыли морской путь от Камчатки к далеким северо-западным берегам Северной Америки и часть Алеутской гряды — островного «ожерелья», соединяющего Америку с Азией. Поэтому мы отнюдь не преувеличим, если скажем, что увлечение Петра I проблемой «сошлася ли Америка с Азией» положило начало новой эпохе в истории северной части Тихого океана и оставило заметный след в истории географических и этнографических открытий в этом регионе.

Многие исследователи уже давно стремятся выяснить: кто же впервые заинтересовал Петра I указанной проблемой и во имя каких практических целей глава Российского государства стал столь энергично добиваться ее разрешения.

Часто в литературе утверждается, что первым возбудил у Петра I интерес к данной тихоокеанской проблеме Г. В. Лейбниц [3; 4; 5]. Но при этом, к сожалению, забывают, что в России интерес к этой проблеме возник еще задолго до знакомства Петра I с Г. В. Лейбницем. Забывают также, что этой же проблемой еще с 60-х годов XVII в. заинтересовался голландский географ и политический деятель Николай Корнелий Витсен (1641—1717), которого Петр I считал своим другом. Витсен не раз затрагивал эту тему и в личных беседах с Петром I, и в своих письмах, и, наконец, во многих своих географических трудах¹.

¹ Уже четверть века в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая ведется успешная работа по переводу богатейшего литературного наследия Н. Витсена. За это время знаток староголландского языка Вильгельмина Герардовна Трисман смогла перевести все второе издание гигантского труда Н. Витсена «Северная и Восточная Татария» [29], его дневников «Московского путешествия 1664—1665 гг.» [28, ч. 1—2], полный текст законченного еще в 1668 г. перво-

Настоящая статья и ставит своей задачей выяснить, как во второй половине XVII — начале XVIII в. менялись взгляды Н. Витсена по проблеме «сошлася ли Америка с Азией» и какое влияние его представления оказали на Петра I.

Впервые у Н. Витсена интерес к проблеме плавания вокруг Северной Азии к странам Дальнего Востока пробудился после поездки в Россию в 1664—1665 гг. (т. е. еще до рождения Петра I). Витсен тогда считал, что такое плавание вполне возможно, а это одно уже говорит о том, что в конце 60-х годов Витсен не сомневался, что Азия отделена от Америки. В этом нет ничего удивительного: ведь в те времена почти на всех географических картах было показано, что Северная Азия — и с севера, и с востока — всюду омывается морями. Именно так Северная Азия изображалась в атласах Ортелия и Меркатора, Хондия и Блау, а также на известных картах Аньезе, Сансона и многих других западноевропейских картографов. И это делалось несмотря на то, что ни западноевропейские, ни японские, ни китайские мореплаватели в этих зонах Тихого океана никогда не бывали и, следовательно, тогда ни в Западной Европе, ни в Японии, ни в Китае не было никаких достоверных сведений о дальнем северо-востоке Азии.

Уже в середине 60-х годов XVII в. Н. Витсену было известно, что русские смогли успешно пересечь всю Северную Азию и выйти на восточные и северные берега Сибири. Поэтому он и решил, что надежную информацию об этих далеких районах он сможет получить только в России. И хотя в 1665 г. во время своего пребывания в Москве Н. Витсену не удалось узнать ничего определенного, он все же завел знакомства, которые оказались для него весьма полезными впоследствии. Так, уже в 1668 г. при посредничестве голландского купца Яна фан Сведена, жившего в России с 1646 г., он получил сделанные московским живописцем Станиславом Лопуцким копии географических чертежей, входивших в состав чертежа Сибири 1667 г. Один из них — сводный общий чертеж — изображал Сибирь в виде четырехугольника, омываемого с севера и востока морями. Вместе с тем его ввел в заблуждение дополнительный региональный чертеж низовьев Оби. На нем Новая Земля была ошибочно изображена в виде полуострова. Это дало основание Н. Витсену в письме к мореплавателю Фоссиусу неосторожно высказать предположение о том, что тот, кто стремится попасть в Тихий океан, должен обогнуть Новую Землю с севера [1, 58; 24, т. II, 442—443]. Фоссиус опубликовал это ошибочное сообщение Витсена в трудах английского Королевского общества [26, 3—4]. И это вскоре привело к роковым последствиям: в 1676 г. при попытке обогнуть Новую Землю с севера погибло судно «Спидвел» капитана Джона Вуда [1, 58—59]. В 80-х годах XVII в. Витсен убедился в том, что он содействовал распространению в Европе явно ошибочных сведений о Новой Земле, поэтому в начале 90-х годов XVII в. он счел необходимым признать свою ошибку в печати [24, т. II, 252]. Однако к этому времени Н. Витсен получил из России несколько сообщений о существовании на северо-востоке Сибирской земли какого-то далеко уходящего в море каменного хребта, конец которого так и не был обнаружен. Очевидно, что одним из первых источников подобных сведений была дошедшая до Витсена «роспись» чертежа Сибири 1673 г. В ней этот хребет был назван «каменной переградой» [2, 53]. На сохранив-

го географического сочинения Витсена о России [28, ч. 3] и, наконец, многие письма Витсена к своему другу бургомистру г. Денвентера Хайсберту Кюперу [24]. Автор выражает В. Г. Трисман свою благодарность за предоставление ему возможности использовать эти переводы в настоящей статье.

шейся до наших дней ремезовской копии общего чертежа Сибири 1673 г. также на востоке изображен полуостров, около которого написано: «Камень конца не имат». Вне всякого сомнения, здесь нашло графическое отражение старое известие М. В. Стадухина о том, что на крайнем северо-востоке Сибири имеется «камень-утес, конца каменю не знают» [16, 116]. Затем Н. Витсену стало известно аналогичное известие, полученное от Н. Г. Спафария в конце 70-х годов XVII в. Еще в описании своего путешествия по Сибири Н. Г. Спафарий писал о хребте, который «идет до окиянского моря и в море также прошел, будто стеною, и никто его конца не знает, а проводить нельзя; льды и погода не пустят, многожды ходили с Лены проводить, а суды разбило, и сказывают, что тот камень идет до самой Западной Индии, до Нового Света...» [20, 123].

Тогда же Витсеном были получены из России и географические чертежи с изображением на северо-востоке то одного, то двух носов-полуостровов, далеко простиравшихся в море. Поэтому он и счел необходимым на своей большой карте Татарию, законченной в 1690 г., дать на северо-востоке Сибири два подобных уходящих в море недорисованных длинных полуострова. Один из них был изображен между Индигиркой и легендарной рекой «Ковычей» с надписью: «Саер Табин, vermits dese en de Yskaep, noyt. Om geraren werden, is onbekent hoe verre sy sig uyt strecken» («Мыс Табин. Поскольку его и Ледяной мыс никто не огибал, неизвестно, как далеко он простирается»). Второй полуостров находился между Ленским и Амурским морями и имел следующую надпись: «Ys Саер. Het uyt Eyndt van dit Hoost is onbekendt» («Ледяной мыс. Конца никто не знает»).

Большая «карта Татарию» Н. Витсена произвела очень сильное впечатление на ученых Западной Европы: ведь она впервые почти вся была основана на сведениях, полученных из России. Поэтому в Европе многие отнеслись с доверием и к явно произвольному изображению двух «мысов», которые вскоре попали и на многие другие западно-европейские карты (К. Алларда, П. Схенка и др.). Таким образом, еще с 1690 г. Н. Витсен во многом способствовал распространению в ученом мире версии о существовании на северо-востоке Азии длинных «мысов», которые, возможно, соединяют Азию с Америкой. Характерно, однако, что сам Н. Витсен отнюдь не был уверен в достоверности этих известий. В его книге «Северная и Восточная Татария» 1692 г. имеются отдельные фразы, указывающие на то, что он все-таки и тогда допускал возможность плавания северным морским путем из Европы к берегам Японии и Китая. Так, в предисловии к этой книге Витсен писал: «Хотя северный путь в Японию кажется короче, чем южный, все же легче и менее опасно идти южным океаном. Из-за опасности я не только не советую идти северным путем, но и настойчиво предупреждаю о риске потерять корабли и самую жизнь» [28а, VI].

Большое значение для Витсена имела встреча с участниками знаменитого русского «великого посольства» — с Петром I и его сподвижниками. В ходе беседы Ф. С. Салтыков, в прошлом (в 1690—1692 гг.) служивший стольником вместе со своим отцом, воеводой Тобольска С. И. Салтыковым, указал, что на большой карте Н. Витсена северо-восток Сибири изображен неверно. Салтыков выразил твердую уверенность в том, что и с севера, и с востока Сибирь омывается морями, и на этом основании отверг предположение о наличии перешейка, соединяющего Азию и Америку. Салтыков утверждал даже, что «можно от реки Енисей, мимо Лены, дойти до Амура». Помешать такому плаванию, по его словам, могло лишь «большое скопление льда» [29, 656]. Важно от-

метить, что сам Петр I был непосредственным участником этой интересной географической дискуссии².

Царь обещал регулярно снабжать Витсена новейшими географическими известиями о всей Сибири, в том числе и о Тихом океане. Уже в 1698 г. голландский географ получил из России ряд новых сведений, подтверждающих, что вокруг северо-востока Азии можно плавать. Некоторые из них он в 1705 г. поместил во второе издание своей знаменитой книги «Северная и Восточная Татария». Вот одно из таких сообщений: «Промышленные люди попадают в Ледовитое море с Лены. Некоторые полагают, что они огибают Ледяной мыс и достигают берегов около реки Камчатки, где они бьют китов и тюленей. Для того чтобы проехать туда и обратно и взять добычу, им требуется три — три с половиной или четыре месяца» [3, 676].

Вскоре к Н. Витсену поступили новые русские географические чертежи Сибири. На них северо-восток Азии также был и с севера и с востока ограничен морями. Один из таких чертежей — общий чертеж Сибири Е. Избранта был впервые опубликован Н. Витсеном в 1704 г. Если же мы обратимся ко всем дошедшим до нас русским чертежам Петровской эпохи, то убедимся, что среди них вообще уже не было ни одного, на котором Азия была бы соединена с Америкой³. Лишь на некоторых из них один или два дальневосточных «носа» были обрваны рамкой чертежа⁴.

Новые географические материалы окончательно убедили Витсена в том, что никакого перешейка между Азией и Америкой не существует. 8 февраля 1714 г. Н. Витсен писал Х. Кюперу: «Когда я делал свою первую карту, я написал внизу: неизвестно, не соединен ли один полуостров с Америкой. Но с тех пор я получил более подробные сведения и теперь уже твердо знаю, что все это разделено, так что я сам в свою карту внес теперь поправку (здесь Витсен имел в виду свою вторую большую карту Татарии, которую он так и не сумел закончить.— Б. П.)» [24, т. II, 376].

² Весьма любопытно, что глава Сибирского приказа А. А. Виниус в том же, 1697 г. в «наказной памяти» новому воеводе Якутска, Д. А. Траурнихту, указывал на необходимость «всякими мерами накрепко» выяснить, можно ли «из реки Лены» проплыть морем в Тихий океан. Траурнихту предписывалось при первой возможности «к такому морскому пути сделать суды удобные со всякими судовыми запасами» [10]. Очевидно, в правительственных кругах России уже тогда не считали, что на северо-востоке Азии есть некая «каменная переграда», соединяющая Азию с Америкой.

³ Следует добавить, что уже упоминавшийся Ф. С. Салтыков в 1713—1714 гг. подал царю особую записку «Изъявление прибыточные государству», в которой высказался за «взыскание свободного пути морского от Двины реки даже до Амурского устья и до Китай», предлагая Петру I «построить корабли на Енисейском устье и на иных реках, понеже оной реки устье позади Ледовитого моря и в Сибири от Енисейского устья до Китая все надлежит Вашему владению оной морской берег» [17, 656].

Все это позволяет нам полностью присоединиться к П. И. Небольсину (1849 г.) и В. И. Грекову (1960 г.), по мнению которых Петр I и его ближайшие сподвижники были уже в начале XVIII в. уверены в том, что Азия не соединяется с Америкой сушей, и лишь хотели установить, в каком именно месте Америка сблизилась с Азией. Очевидно, в этом смысле Петр I и употреблял глагол «сошлась».

⁴ На чертежах С. У. Ремезова, так же как и на первой витсеновской карте Татарии, на северо-восточных берегах Сибири помечены «носы», далеко простирающиеся в море. На этом основании некоторые исследователи относят автора этих чертежей к числу тех, кто допускал возможность «соединения Азии с Америкой». С этим нельзя согласиться. Использование Ремезовым термина «нос», по нашему мнению, убедительно свидетельствует, что указанные географические объекты, в его представлении, были полуостровами, но никак не перешейком, соединяющим два континента. «Необходимыми» эти «носы» назывались им или из-за их громадных размеров, или из-за скопления льдов, мешавших их обойти. На всех поздних копиях ремезовских «чертежей новой Камчадальской земли» морской путь и вокруг Чукотки, и вокруг Камчатки был показан свободным.



Рис. 1. Старинная голландская гравюра «Петр I у Н. Витсена»

Но в то же время Н. Витсен был твердо убежден, что берега Америки и Азии должны где-то близко подходить друг к другу. Близость эта, по убеждению ученого, была столь значительной, что в зимний период между континентами должна быть переправа по льду. Этот вывод он сделал, обратив внимание на большое сходство между животным миром Северной Америки и Северной Азии: там и тут были волки, медведи, бобры и другие звери одного вида. Обитание же в Тихом океане китов, которые были похожи на китов Ледовитого океана, по мнению Витсена, служило дополнительным доказательством того, что эти океаны не были разделены каким-либо перешейком.

Первоначально Н. Витсену казалось, что Америка могла подходить к Азии где-то с северной стороны. Но позже, с 90-х годов XVII в., главное его внимание стало сосредоточиваться на районе... южных Курильских островов!

Как же возникли подобные представления у Витсена?

В XVII в. в далекой Калифорнии какие-то прибывшие с севера индейцы уверили испанцев в том, что морской берег Америки будто бы поворачивает резко на запад и идет в этом направлении весьма далеко. Витсену это сообщение показалось вполне правдоподобным: необычайно теплый климат Калифорнии он объяснял наличием на севере больших хребтов, которые ограждали эту страну от проникновения с севера холодного воздуха. Так сложилось впечатление, что западный североамериканский берег далеко простирается в сторону Азии. В конце 80-х годов XVII в. до Витсена дошли новые известия, которые, казалось, полностью подтверждали это предположение. Речь шла о путешествии, предпринятом японским судном в 1684 г. с восточного берега о-ва Ниппон (Хонсю). «После долгого плавания к востоку,— излагал это сообщение Н. Витсен,— между 40 и 50 широтами [японские мореходы] пристали к твердому берегу, который приняли за Америку. Там они перезимовали в заливе, собрали неопределенные сведения о местоположении северо-западного побережья. После этого в Японии решили не исследовать эти чужие области» [29, 63].

Эти сведения заставили Н. Витсена, да и других голландских ученых, поверить в гипотезу голландского морехода Г. де Фриса, который принял открытый в 1643 г. западный берег «Земли Компании» (о-в Уруп) за... берег Северной Америки! И Витсен решил, что «пролив де Фриса» между открытыми голландцами «Землей Штатов» и «Землей Компании» является не чем иным, как легендарным «проливом Аниан», отделяющим Азию от Америки [29, 63]. При этом ему показалось, что будто бы существует прямая связь между названиями «Аниан» и «Анива» (южносахалинский залив, в котором побывал в 1643 г. Г. де Фрис)⁵. Но эту гипотезу Н. Витсена поддержал только немецкий исследователь XIX в. Х. Зандлер [27, 406]⁶.

⁵ Н. Витсен даже утверждал, что в Японии, например, в храме Симми (Symmi) имеется несколько географических карт, на которых был изображен пролив Аниан [29, 63].

⁶ Немецкий историк О. Пешель [25, 248] и советский географ Л. С. Берг [3, 12—24] безоговорочно утверждали, что название «Аниан» обязано своим происхождением Марко Поло, в трудах которого упоминается «провинция Аниа» (совр. Аннам). Последняя гипотеза подтверждается тем, что на самых ранних картах XVI в., на которых был изображен «пролив Аниан», имелся ряд других названий, заимствованных из труда Марко Поло. Однако до сих пор нет еще убедительного объяснения, каким образом сведения об Аннаме были позднее отнесены к арктическим районам Азии. В этой связи нельзя не обратить внимания еще на одну гипотезу, которая впервые была высказана в России в XIX в. и теперь поддерживается советским географом А. З. Алеиным. Согласно этой гипотезе, распространенное в Европе название «mare-oceanus» породило в России знаменитое выражение «море-акиан», которое будто бы создало у

Итак, уже с конца XVII в. благодаря географическим трудам Н. Витсена в Европе стали распространяться две разные версии относительно возможного места сближения Азии с Америкой. По ранним данным Витсена, оно относилось к арктическим районам — или у «Ледяного мыса», или у «мыса Табин». По более поздним сведениям Витсена, место сближения Америки с Азией находилось где-то в районе Южных Курил. Благодаря тому что первая версия, как мы уже отмечали, нашла свое отражение на большой карте Татарии Н. Витсена 1690 г. и затем на многих аналогичных западноевропейских картах, она получила наибольшее распространение. В нее поверили многие ученые Западной Европы. Уверовал в нее и Г. В. Лейбниц. Получив в 1694 г. от Н. Витсена экземпляр карты Татарии, Г. В. Лейбниц особенно заинтересовался двумя большими недорисованными «мысами» — «Ледяным» и «Табином», направленными в сторону Америки. Поэтому уже в 1697 г. он решил включить в подготовленную им для передачи Петру I записку с перечнем полезных для России и науки мероприятий пожелание выяснить на месте, «соединяется ли Азия с Америкой или они разделены проливом» [3, 7] (к сожалению, до сих пор остается неизвестным, была ли передана эта записка Петру I). Позже Г. В. Лейбниц каким-то образом узнал о том, что Петр I отдал распоряжение якутскому воеводе обследовать район «Ледяного мыса», и в 1711 г. ученый просил знаменитого сподвижника Петра Я. В. Брюса сообщить ему результаты похода русских к «Ледяному мысу». Само название «Ледяной мыс», не употреблявшееся в России, Лейбниц явно заимствовал из карты Витсена.

23 сентября 1712 г. Лейбниц писал Брюсу: «Большая полоса земли тянется далеко на север к так называемому, хотя еще неизвестному Ледовитому мысу, и нужно было бы исследовать, существует ли этот мыс и оканчивается ли им та полоса земли» [цит. по: 4, 146—147; 5, 248—249].

В 1716 г. Г. В. Лейбниц снова рекомендовал Петру I выяснить, можно ли плавать вокруг Азии или же «Ледяной мыс» сомкнулся с Америкой [5, 360].

Как уже отмечалось выше, в исследовательской литературе часто утверждается, что все эти высказывания Г. В. Лейбница оказали весьма большое влияние на Петра I. Однако при этом упускается из виду, что Петр I, вопреки настойчивым советам Лейбница обратиться

иностранцев впечатление, что на русском Севере существует море под названием «Аниан» (искаженное «акиан»). Если учесть, что Н. Витсен в своем первом сочинении по географии России (1668—1669 гг.), опираясь на известия, полученные из России от голландского купца Яна фан Сведена, готов был отнести «пролив Аниан» к району, расположенному несколько восточнее Новой Земли [28, ч. 3, 334—335, 376, 380—381, 383], то эта гипотеза может показаться правдоподобной. Конечно, в дальнейшем это русское название могло быть кем-то сопоставлено с данными Марко Поло о провинции Аниа. В результате «накладки» одного названия на другое и могла возникнуть легенда о существовании морского «пролива Аниан». Однако при всей своей заманчивости эта гипотеза остается недоказанной, и потому вопрос о происхождении названия «пролив Аниан» пока еще никак нельзя считать окончательно решенным. При исследовании данного вопроса необходимо учесть, что само изображение «пролива Аниан» на географических картах XVI—XVII вв. давалось порою в совершенно различных районах: то в районе севернее Кореи, то севернее Калифорнии, то севернее Японии, но отнюдь не в районе Берингова пролива, как это часто неверно утверждается в исследовательской литературе: ведь до русских открытий середины XVII в. ни один географ мира не предполагал, что северо-восточные берега Азии могли быть расположены в столь отдаленных северных районах. Поэтому никак нельзя согласиться с часто повторяющимся в литературе мнением Л. С. Берга: «Пролив этот на картах XVI—XVII столетий помещали именно там, где впоследствии был открыт Берингов» [3, 11]. На самом же деле предположение, что он мог находиться примерно в районе Берингова пролива, могло возникнуть лишь после появления большой карты Татарии Н. Витсена 1690 г.

особое внимание на северные районы, отнесся с большим доверием к поздним взглядам Н. Витсена и первоначально решил искать место, где сближалась Америка с Азией... южнее Камчатки! Он не только направил И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина на Камчатку, но с Камчатки послал их на юг вдоль Курильских островов с заданием «описать тамошние места: сошлася ли Америка с Азией». И это, конечно, не случайно: ведь Н. Витсен полагал, что западная часть Северной Америки могла подойти к южной группе Курильских островов⁷.

Неудача экспедиции И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина не обескуражила Петра I. Он продолжал верить, что из всех русских дальневосточных владений Камчатка наиболее близко расположена к Америке. Спутник Петра I по походу на Каспийское море в 1722 г. Ф. И. Соймонов еще более укрепил его веру. Он тоже внушал Петру I, что «до самой Америки на западном берегу остров Калифорния, уповательно, от Камчатки не в дальнем расстоянии найтись может...» [цит. по: 19, 552]. Именно поэтому в 1724 г. Петр I и Витуса Беринга решил послать на Камчатку с заданием искать берега Америки. Секретная инструкция Петра I Берингу гласила:

«1). Надлежит на Камчатке или в другом тамош месте сделать один или два бота с палубами.

2). На оных ботах [плыть] возле земли, которая идет на нрд и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3). И для того искать, где она сошлась с Америкой; и чтоб доехать до какого города европейских владений, или, ежели увидят какой корабль европейской, проведать от него, как оной куст [берег] называют, и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюды» [23, 59].

Вполне очевидно, что в этой инструкции главной задачей было открытие северо-западных берегов Северной Америки со стороны Дальнего Востока. Кроме этого, как справедливо писал А. И. Чириков, инструкция обязывала В. Беринга дойти «до испанского владения Мексиканской провинции» [23, 206]. Ближе этих городов «европейских владений» на северо-западном побережье Северной Америки не было.

Какие же цели преследовал Петр I, посылая экспедицию В. Беринга искать берега Америки?

В истории освоения Сибири XVII в. всегда особо важное значение имело открытие новых земель, промысловые богатства которых могли бы принести русской казне наиболее крупные «прибытки». После того как были исчерпаны промысловые богатства «златокопящей» Мангазеи, русские власти живо заинтересовались «Второй Мангазеей» —

⁷ К сожалению, еще недавно некоторые исследователи безапелляционно заявляли, что в задачу И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина поиски берегов Америки не входили, так как посылок данной экспедиции Петр I преследовал особые, секретные цели, в частности поиски серебряных руд [см. 2]. Конечно, вряд ли можно сомневаться в заинтересованности Петра I в открытии любого месторождения серебра. Но это была лишь побочная задача экспедиции. Важно отметить, что и в данном случае сказалось влияние Н. Витсена: именно он первым указал царю на возможность нахождения серебряной руды в этом районе. В книге «Северная и Восточная Татария», посвященной Петру I, Витсен упоминал, что с южных Курил была вывезена «валяльная белая глина», из которой «после многократного промывания выделились мелкие кусочки металла размером в булавочную головку» [29, 146]. Голландцы считали, что это было серебро. После того как Иван Козыревский в 1713 г. на Парамушире получил от айна Сатаноя (с о-ва Итурупа) глухие сведения, подтверждавшие, что на юге имеется какая-то руда, Петр I действительно еще более заинтересовался сведениями голландцев о серебре на Курилах. А это еще раз доказывает, что Петр I при организации новых экспедиций на Тихом океане учитывал многие из известий Витсена.

Ленским краем. Затем, в конце 90-х годов XVII в. и в начале XVIII в., последовали большие успехи в освоении промысловых богатств Камчатки. Острая потребность в пополнении казны в связи с расходами на Северную войну привела к тому, что Петр I обратил свой взор к островам Тихого океана, в первую очередь к Курильским и Шантарским. Но Петр I со свойственной ему государственной прозорливостью понимал, что еще больше доходов российская казна получит в том случае, если русские, продолжая свое естественное продвижение на восток, смогут начать освоение «неизвестных земель» северо-западной части Северной Америки⁸. Для многих европейских ученых было очевидно (и они неоднократно сообщали об этом Петру I), что до этих областей раньше всех смогут дойти русские, для чего им следует лишь открыть морской путь от берегов Азии к северо-западному побережью Северной Америки. И, естественно, Петр I не мог не заинтересоваться подобной возможностью дальнейшего расширения русских владений в восточном направлении⁹.

Первый шаг в этом направлении — открытие морского пути в Америку — и должен был сделать В. Беринг. В этом свете становится понятной и забота Петра I о плавании «до какого города европейских владений» или о встрече с каким-либо европейским судном. Он был заинтересован в том, чтобы факт появления русских в Северной Америке с северной стороны был подтвержден самими европейцами, там осевшими. Это позволило бы России в дальнейшем претендовать на северные земли Америки по праву их первооткрывателя.

К сожалению, в тексте инструкции Петра I не вполне ясно излагалось, как В. Беринг должен был достигнуть берегов Америки. Особенно странным казалось задание плыть «возле земли, которая идет на nord и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки».

По мнению Беринга, эта часть инструкции Петра I обязывала его плыть с Камчатки на север к Чукотскому полуострову. Он считал, что последний — это именно «земля та, о которой мнение было, что сходится с Америкой» [18, 19]. Беринг не случайно пишет в прошедшем времени — «было»: знакомясь в Сибири с новыми картами, он убедился, что этот взгляд давно уже опровергнут. Так, историк Первой Камчатской экспедиции А. П. Соколов писал: «По крайней мере по приезде в Сибирь Беринг уже не сомневался в существовании пролива меж-

⁸ В начале XVIII в. в ходе войны за испанское наследство (1700—1713) решались и дальнейшие судьбы северо-восточных районов Америки (французских владений в Канаде). Северо-западная же ее часть была тогда недоступна не только англичанам и французам, но и испанцам, незадолго до этого завладевшим «островом» (полуостровом) Калифорния.

⁹ М. В. Ломоносов в своей известной поэме «Петр Великий» вложил в уста ее героя мечту о том времени, когда «наша досягнет в Америку держава» [8, 703]. Выражая уверенность, что это направление петровской политики еще принесет плоды, М. В. Ломоносов писал: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке» [7, 498]. Последняя часть фразы Ломоносова в какой-то мере повторяла мысль самого Петра I.

Хорошо понимал замысел Петра I и видный русский дипломат начала XIX в., один из руководителей Российско-Американской компании — Н. П. Резанов. Говоря о территории, расположенной севернее п-ова Калифорния, он писал 17 июня 1806 г. министру коммерции Н. П. Румянцеву: «Ежели б ранее мыслило Правительство о сей части света, ежели б уважало ее как должно, ежели б беспрерывно следовало прозорливым видам Петра Великого, при малых тогдашних способах Берингову экспедицию для чего-нибудь начертавшего, то утвердительно сказать можно, что Новая Калифорния никогда б не была Гишпанскою принадлежностью, ибо с 1760 года только обратили они внимание свое и предприимчивостию одних миссионеров сей лутчей краж земли навсегда себе упрочили» [цит. по: 22, Приложение, 267].

ду материком Азии и Америки» [18, 9]. Но в прошлом — в XVII в. в России все же имелись отдельные географические чертежи, на которых оконечность Чукотки была обрезана рамкой чертежа. Поэтому Беринг решил, что именно так мог себе представлять Чукотку Петр I. Окончательно он уверовал в это после того, как в Енисейске он впервые благодаря любезности известного исследователя Сибири Д. Г. Мессершмидта смог познакомиться с большой картой Татарию Н. Витсена, посвященной Петру I [9, 127]. Изображенный на ней на северо-востоке Сибири «мыс Ледяной» с недорисованным концом ввел В. Беринга в заблуждение. Он решил, что это и есть именно та земля, о которой упоминал в инструкции Петр I, находившийся, по мнению В. Беринга и его спутников, под влиянием карты Н. Витсена. В. Беринг решил, что карта Н. Витсена помогла ему понять истинный смысл странной фразы в инструкции Петра I.

Так у Беринга и его спутников и состоялось впечатление, что им вменяется в обязанность плыть с Камчатки к берегам Чукотки. И когда экспедиция миновала восточную оконечность Чукотского полуострова и дошла до параллели $67^{\circ}18'$, Беринг решил: «Понеже земля более к северу не простирается, а к концу оной (Чукотскому или Восточному углу) другой земли никакой не подошло» [23, 64], то он выполнил волю Петра I¹⁰.

В. Беринг и его спутники вполне искренне считали, что они действовали строго в соответствии с инструкцией Петра I. Но правительство взглянуло на результаты Первой Камчатской экспедиции совершенно иными глазами. Беринга прямо обвинили в том, что он не выполнил инструкции Петра I. С одной стороны, он напрасно плывал на север «даже до ширины 67 градусов», тогда как «по данной... императора Петра Великого собственноручной инструкции капитану-командору Берингу в бытность его, Беринга, в той экспедиции было искание, где б Камчатская земля с Америкой сошлась» [15, 1004]. *Камчатская земля, а отнюдь не Чукотка!* С другой стороны, Беринг в 1728—1729 гг. так и не дошел до берегов Америки, несмотря на то что это было главной задачей его экспедиции. Широко известны слова правительственного указа: «Император Петр Великий для курьезите посылал осведомиться от обоих берегов, сходятся ль берега американские с берегами Азии; но тогда оное в действо не произошло» [3, 90]. Именно поэтому и решено было в 30-х годах XVIII в. организовать Вторую Камчатскую экспедицию с главным заданием исполнить все ту же инструкцию Петра I. Однако направление плавания указывалось совершенно иное: не на север — к Чукотке, а от южной оконечности Камчатки на юго-восток-восток. Было ли это пересмотром инструкции Петра I? В Петербурге так не считали. Наоборот, решено было, что именно этого направления требует сам подлинный текст инструкции Петра I. И внимательное изучение всех первоисточников эпохи убедило нас в том, что такое толкование справедливо.

В распоряжении Петра I в 1724 г. в момент составления его инструкции имелись печатная карта «Камчадалии», сделанная по заказу Петра I в Нюрнберге И. Б. Гоманом в 1722 г., и карта Дальнего Востока, срочно выполненная для Петра I Иваном Кириловым, на ко-

¹⁰ Но, как известно, тогда с этим мнением В. Беринга не согласился его помощник Алексей Чириков. Полагая, что Н. Витсен, возможно, называл «Ледяным мысом» Шелагский мыс, Чириков заявил, что им для окончательного опровержения старой версии о «соединении Ледяного мыса с Америкой» необходимо еще совершить плавание по Чукотскому морю на запад. Он так и писал: «Не можем достоверно знать о разделении Азии с Америкой, ежели не дойдем до устья р. Колымы или до льдов, понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды» [18, 19].

торых Чукотка всюду омывалась морями. Да и в самом тексте инструкции Петра I вообще не шла речь о поиске пролива на севере. Наконец, нет оснований думать, что Петр I мог бы В. Берингу на одну навигацию дать задание, явно неосуществимое в столь короткий срок: побывать на крайнем севере русских дальневосточных владений, затем отправиться на юг вдоль берегов Америки до района испанской Мексики («европских городов») и затем вернуться на Камчатку. Да и зачем Петру I потребовалось бы для этой цели делать Камчатку исходным пунктом для такого предприятия, когда проведать северный морской путь в обезд Чукотки в тогдашних условиях было безусловно легче со стороны Лены и Колымы, на что не раз и указывал Беринг¹¹. Кроме того, в 1724—1725 гг. Петр I не мог на этот район смотреть глазами старой карты Витсена: ведь он хорошо помнил, как еще в 1697 г. в его присутствии Ф. С. Салтыков смог доказать Н. Витсену, что тот совершенно неверно изобразил берега северо-востока Сибири и что там нет никаких перешейков, соединяющих Азию с Америкой. Как отмечалось, сам Витсен позднее признал ошибочность своего изображения.

Вывод ясен: В. Беринг и его спутники не поняли истинного значения наказа Петра I следовать «возле земли, которая идет на норд и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки». Но как же в таком случае правильно истолковать эту фразу?

Уже несколько раз в печати [11; 12; 14] мы указывали, что истинный ее смысл удивительно просто раскрывается при ознакомлении с картами «Камчадалии» и Северной Америки нюрнбергского картографа И. Б. Гомана, по которым составлялась сама инструкция Петра I.

На печатной карте «Камчадалии» 1722 г. вблизи восточных берегов Камчатки изображена большая безымянная мифическая земля. Петр I, давно уже живо интересовавшийся различными островами Тихого океана, которые могли быть присоединены к России, естественно, не мог не обратить на это внимания: ведь совсем рядом с Камчаткой оказывалась гигантская «новая земля», которая не была еще освоена русскими. Тем более что, согласно карте Северной Америки того же И. Б. Гомана, эта большая земля могла оказаться даже частью Северной Америки. Правда, И. Б. Гоман севернее «острова» (?) Калифорния нанес пунктиром «пролив Аниан» [12, 112], давая тем самым понять, что эта земля при дальнейших исследованиях может оказаться не частью Америки, а самостоятельной землей. На карте Северной Америки эта таинственная мифическая земля имела несколько названий. Одно из них — «*Terra Borealis*» («Земля Северная») — явно соответствует определению Петра I: «земля, которая идет на норд» (на карте она действительно шла от Америки на север). Второе — «Земля Жоана де Гама» — по имени мореплавателя, который, по данным португальского картографа Тексейры (1649 г.), якобы открыл в этих северных водах Тихого океана какую-то большую землю. Третье — «*Terra Esonis*» — было явно японским заимствованием («эзо» или «иэдзо» по-японски означает «дикие» — так в Японии называли айнов и другие народности Тихого океана). Последнее, как уже отме-

¹¹ Еще в Енисейске он сетовал на то, что его зря послали ради решения этого вопроса на Камчатку, так как с меньшими затратами его можно разрешить северным морским путем, спустившись вниз по Лене, с дальнейшим переходом к устью Колымы. Беринг так и писал из Енисейска: «Ежели б определено было итти с устья Колымы до Анадыря, где всемерно пройти возможность надеюсь, о чем новые Азийские карты свидетельствуют, и... сказывают, что преж сего сим путем хаживали, то могло б быть исполнено желаемое с меньшим коштом» [18, 9].

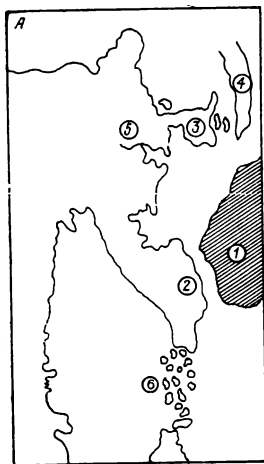
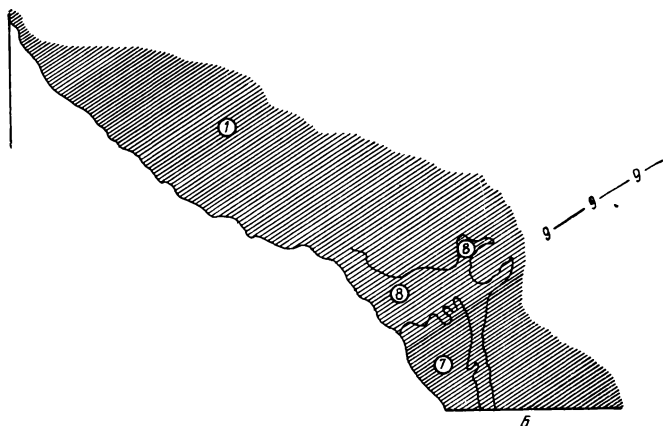


Рис. 2. Схема географических чертежей, помогающих раскрыть смысл инструкции Петра I Берингу
А — схема карты Камчатки, напечатанной картографом И. Б. Гоманом в 1722 г. по русскому чертежу; Б — схема северо-западной части карты Северной Америки И. Б. Гомана: 1 — Земля, которая идет на nord («Terra Borealis», «Terra Esoris», «Земля де Гамы»), 2 — Камчатка, 3 — Чукотский полуостров, 4 — «Большая Земля» (Аляска, принимавшаяся за остров), 5 — Анадырь, 6 — Курильские острова, 7 — Калифорния, 8 — пролив Аниан, 9 — граница новой Мексики



чалось, в какой-то мере соответствовало и поздним представлениям Н. Витсена, сложившимся на основании информации, полученной им из Японии (рис. 2).

Итак, если считать именно эту землю «землей, которая идет на nord», весь текст инструкции Петра I становится вполне понятным и сама экспедиция вполне выполнимой за одну навигацию. Для этого В. Берингу отнюдь не требовалось идти на север, а он должен был плыть на юго-восток — кратчайшим путем до американских берегов: от южной части Камчатки вдоль южных берегов «Земли северной» (де Гама) к тому загадочному месту, где у И. Б. Гомана пунктиром был изображен возможный «пролив Аниан». Конечно, тут и должен был В. Беринг попытаться выяснить, является ли эта «Земля северная» (или «земля, которая идет на nord») частью Америки. Здесь он и должен был «искать, где она сошлась с Америкой»¹².

В свете всего сказанного выше становится очевидным, что поручение Второй Камчатской экспедиции отправиться не на север — к берегам Чукотки, а на восток — от южной оконечности Камчатки с обходом с южной стороны мифической «Северной земли» — являлось не изменением, а разъяснением инструкции Петра I. Идя именно этим путем, Берингу и его сподвижникам и удалось выполнить главную зада-

¹² Именно так трактовал этот вопрос А. И. Чириков, который в декабре 1741 г., говоря о мифической «Земле Иан де Гаммы», напоминал, как в прошлом «чаели, что она — часть Америки» [23, 273], а ведь Петр I о ней и писал: «по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки». Нельзя не вспомнить и рассказ А. К. Нартова о том, как Петр I во время беседы с Ф. М. Апраксиным при обсуждении своей инструкции указывал, что «на сей морской карте продолженной путь, называемой Аниан, назначен не напрасно» [3, 11]. Ранее исследователи не знали, о какой же конкретно карте здесь шла речь. На карте же Северной Америки И. Б. Гомана «пролив Аниан» действительно изображен как «продолженной». На других картах, которыми пользовался Петр I при составлении своей инструкции, вообще не было «пролива Аниан». Не было его и на большой карте Татарии Н. К. Витсена.

чу экспедиции — дойти в июле 1741 г. до берегов Северной Америки¹³.

Теперь уже достоверно известно, что и в распоряжении Беринга имелось немало экземпляров печатной карты «Камчадали» И. Б. Гомана 1722 г. Он даже оказался в состоянии передать несколько экземпляров дипломату С. Владиславичу-Рагузинскому [6, 30; 13, 103—104]. И все же, несмотря на наличие этой карты, В. Беринг не смог установить истинное значение инструкции Петра I.

Во многом объясняется это тем, что на печатной карте «Камчадали» И. Б. Гомана 1722 г. изображенная рядом с Камчаткой громадная мифическая земля была дана без какого-либо названия. Для определения же ее названия Берингу надо было обратиться уже к другой карте И. Б. Гомана — к карте Северной Америки. Но он этого не сделал. В. Берингу и его спутникам показалось более правдоподобным, как мы уже отмечали, что Петр I дал свое задание по карте Татарию Н. Витсена, тем более что последняя была посвящена Петру I.

В какой-то мере В. Беринга ввела в заблуждение и официальная версия организации Первой Камчатской экспедиции. Петр I, хотя и объявил ее секретной, все-таки сознавал, что ему трудно будет скрыть от иностранцев сам факт организации столь большой экспедиции. Поэтому были приняты все меры для распространения версии, согласно которой эта экспедиция организовалась с чисто научной целью — исполнить давнее желание иностранных ученых: выяснить, соединяется ли Азия с Америкой, собрать информацию о возможности плавания северным морским путем из Европы в страны Дальнего Востока. Болезнь не позволила Петру I побеседовать с Берингом о целях экспедиции. И официальная версия дезориентировала самого Беринга: он невольно в тексте инструкции увидел то, чего в ней не было.

Отстаивая правильность своего толкования, Беринг и его спутники в конце концов посеяли сомнения в Петербурге: уж не существуют ли реально перешейки, изображенные на большой карте Татарию Н. Витсена? В результате этого участникам отряда Второй Камчатской экспедиции, направленного в крайние восточные районы сибирского севера, было даже дано задание выяснить: нет ли на дальнем севере перешейков, уходящих от Азии к Америке. «А буде такое место придет, что сибирский берег с американским сошелся и потому нельзя до Камчатки пройти (от устья Лены.— *Б. П.*),— гласил указ Сената 1732 г.,— то следовать подле того берега, сколько возможно, который пойдет к северной стране... и притом выведывать, далеко ль на другой стороне земли Полуденное или Восточное море, и притом возвратитца

¹³ Важно также отметить, что именно на основании карты Северной Америки И. Б. Гомана участники этого исторического плавания смогли убедиться в том, что они достигли берегов Северной Америки [см. 14, 104; 33, 274—275]. Поскольку с новых изданий карты Северной Америки И. Б. Гомана исчезло пунктирное изображение «пролива Аниан», участники плавания уже были освобождены от задания искать, где «сошлась Земля северная» с Америкой. Собранные же ими на обратном пути данные доказали несостоятельность самой версии о существовании в этом районе этой мифической земли. На ее месте были обнаружены лишь отдельные острова — часть Алеутской гряды. Требование же инструкции Петра I о походе до «городов европейских» было отменено еще 16 февраля 1733 г. «По рассуждению адмиралтейской коллегии, хотя по намерению его императорского величества блаженныя и высокославныя памяти по тогдашнему случаю ему, Берингу, о походе до вышепомянутых европейского владения мест определение было,— гласило соответствующее решение,— однако ж ныне того похода чинить за полезно не признается...». Мотивировалось это, во-первых, тем, что «ежели от того места, где обшут Америку, еще им следовать до европейских владений, то уже возвратиться к камчатским берегам в одно лето никак не можно...» — так велико расстояние, во-вторых, тем, что посещать владения испанцев небезопасно [см. подробнее: 23, 29—30].

в Ленское устье и в Якуцк... а ежели такого соединения американских земель не найдут, то отнюдь не возвращатца, но обходить угол и притти до Камчатки...» [23, 93].

Обнаружить несуществующее было, естественно, невозможно. Но все-таки долгое время в XVIII в. на некоторых русских картах Шелагский мыс изображался непропорционально большим. И версия о возможности существования в этом районе перешейка, соединяющего Азию с Америкой, смогла дожить, по существу, до начала XIX в.— до знаменитой экспедиции Врангеля.

Позднее, когда уже было забыто, какими картами пользовался Петр I при составлении своей инструкции Берингу, стало казаться, что и в 1724 г. Петр I находился под влиянием взглядов Г. В. Лейбница (а он, как мы убедились, повторял старые взгляды Н. Витсена). Именно тогда у многих исследователей создалось впечатление, что толкование инструкции Петра I Берингом и его спутниками отнюдь не было ошибочным, тем более что смысл этой инструкции пытались толковать по картам, на которых уже не было мифической «Земли северной». К тому же многим казалось, что если Г. Ф. Миллер нашел отписки С. И. Дежнева только в 1736 г., то до этого в России будто бы господствовала вера в «соединение Азии с Америкой». Конечно, при таком толковании фактов нетрудно было уверовать в то, что Петр I в 1724—1725 гг. еще мог находиться под влиянием ошибочных ранних представлений Н. Витсена и вслед за Лейбницем верить в возможность «соединения Ледяного мыса с Америкой». Все содержание настоящей статьи ясно показывает несостоятельность подобных утверждений.

Теперь уже стало вполне очевидным, во-первых, что сами сподвижники Петра I заставили Н. Витсена окончательно отказаться от веры в возможность «соединения Ледяного мыса с Америкой», во-вторых, что Петр I во многом под влиянием географических трудов Н. Витсена исходил в своих инструкциях из предположения о наибольшей близости американских берегов к русскому Дальнему Востоку именно у Камчатки. Вот почему Петр I и счел нужным направить на Камчатку (а не Чукотку) экспедицию И. М. Евреина и Ф. Ф. Лужина, а в 1725 г. и В. Беринга.

Таким образом, изучение географического наследия Н. Витсена позволяет лучше понять и замыслы самого Петра I.

Все изложенное в настоящей статье еще раз доказывает, как далеки были от истины те историки, которые утверждали, что по инструкции Петра I якобы «плавание в Америку не являлось обязательным» и было лишь... «подсобной задачей». Опровергается и утверждение, что главной целью экспедиции В. Беринга был поиск пролива, соединяющего Ледовитый океан с Тихим. Говоря это, мы, конечно, не отрицаем того, что Петра I интересовали и установление морской связи североморским путем между европейским севером и Тихим океаном и открытие морской торговли со странами Тихого океана. Но эти вопросы отступали на второй план по сравнению с проблемой дальнейшего расширения русских владений в бассейне Тихого океана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. Один из русских корреспондентов Ник. Витсена,— сб. «Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. 1882—1932». Л., 1934.
2. Баскин С. И. Путешествие Евреина и Лужина в Курильский архипелаг (1719—1722),— ИВГО, вып. 4, 1952.
3. Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга (1725—1742), М.—Л., 1946.

4. Герье В. Отношение Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в ганноверской библиотеке, СПб., 1871.
5. Герье В. Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому, СПб., 1873.
6. Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг., М., 1960.
7. Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию,— Полное собрание сочинений, т. 6, М.—Л., 1952.
8. Ломоносов М. В. Петр Великий,— Полное собрание сочинений, т. 8, М.—Л., 1952.
9. Новлянская М. Т. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири, Л., 1970.
10. Полевой Б. П. Водный путь из Ледовитого океана в Тихий. Забытый наказ А. А. Винниуса 1697 года,— «Природа», 1965, № 5.
11. Полевой Б. П. Главные задачи Первой Камчатской экспедиции по замыслу Петра I,— «Вопросы географии Камчатки», вып. 2; Петропавловск-Камчатский, 1964.
12. Полевой Б. П. Из истории открытия северо-западной части Америки (от первого известия сибирских землепроходцев от Аляски до петровского плана поиска морского пути к Америке),— сб. «От Аляски до Огненной Земли. История и этнография стран Америки», М., 1967.
13. Полевой Б. П. О картах Северной Азии Н. К. Витсена,— ИАН СССР, серия географическая, 1973, № 2.
14. Полевой Б. П. О карте «Камчадали» И. Б. Гомана,— ИАН СССР; серия географическая, 1970, № 1.
15. Полное собрание законов Российской империи, т. VIII (1728—1732), СПб., 1830.
16. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов, Л.—М., 1952.
17. [Салтыков Ф. С.] «Изъявление прибыточные государству Федора Салтыкова 1714 год»,— Н. П. Павлов-Сильванский, Проекты реформ в записках современников Петра Великого, СПб., 1897.
18. [Соколов] А. П. Первая камчатская экспедиция Беринга 1725—1729 года — «Отечественные записки», т. 75, 1851, № 3, отд. VIII.
19. Соколов А. П. Русская морская библиотека,— «Записки гидрографического департамента», т. X, СПб., 1852.
20. [Спафарий Н.] Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году,— ЗИРГО по отделению этнографии, т. X, вып. 1, 1882.
21. Титов А. Сибирь в XVII в., М., 1890.
22. Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени, т. 2, СПб., 1863.
23. Экспедиция Беринга. Сборник документов, М., 1941.
24. Gebhardt J. F. Het leven van Mr. Nicolaas Cornelisz Witsen, 1641—1717, т. I — II, Utrecht, 1881—1882.
25. Peschel O. Geschichte der Geographie, München, 1865.
26. Philosophical Transactions of Royal Society, т. IX, 1674, № 101.
27. Sandler Ch. Die Anian-Strasse und Marco Polo,— «Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde», т. 24, Berlin, 1894.
28. Witsen N. Moscovische Reyse 1664—1665, Journal en aentekeningen, т. I—III. 's-Gravenhage, 1966—1967.
- 28 a. Witsen N. Noord en oost Tartaye, Amsterdam, 1692.
29. Witsen N. Noord en oost Tartarve, Amsterdam, 1705.